

43. А. Брем о Барнауле // История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991.

44. Адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г. Барнаул, 1909.

45. Swayne H. Siberia's Place in Asia // Journal of the Manchester Geographical Society. Vol. 35 (1919).

И.А. Леденева

Особенности подготовки мастеров-камнерезов в рисовальном классе при Колыванской шлифовальной фабрике

Период мирового признания и наивысшего расцвета камнерезного искусства на Алтае, с 1802 по 1861 г., характерен рождением династий талантливых камнерезов, постигших все тонкости создания колоссальных по размерам художественных произведений. Принципиально новое, единственное в мире оборудование для обработки крупных высокохудожественных произведений начало действовать в это время под руководством Ф.В. Стрижкова. Проблема все более качественной подготовки мастеров с художественным вкусом явилась причиной открытия в 1858 г. управляющим в то время фабрикой И.А. Злобиным рисовального класса.

Открытие рисовального класса предварял Локтевский период «ученичества» (1786–1802 гг.). В это время возникли яркие, интересные личности, внесшие особый колорит в культурную жизнь Алтая. На примере обучения Филиппа Стрижкова можно охарактеризовать всю систему этого периода обучения. По указу Кабинета 8-летних мальчиков забирали из семьи для обучения ремеслу. Ученики тесали, шлифовали и полировали камни с учетом «полезности» этих работ на производстве, постигали красоту и благородство яшм и порфиров. В семье оставались дети, которые могли получить необходимые знания и навыки от отцов, как Ф. Стрижков. В 15 лет он направляется на «Главный серебро и золото держащий Колывано-Воскресенских заводов рудник Змеиногорский». Из промывальщиков руды в числе «любящих дело, стремящихся к знаниям» он переведен в ученики Змеиногорской горнозаводской школы. Она была организована, как и Барнаульская, еще до создания в 1799 г. окружного горного училища. Сроки обучения, как и в Петергофской школе, не ограни-

чивались. Курс школьной программы включал чтение, письмо, арифметику, алгебру, геометрию, рисование, черчение и практическое распознавание руд. Учащиеся подразделялись на «школьников», которым с семилетнего возраста платили жалованье, как и во всех горнозаводских школах, по 3 руб. 60 коп. ассигнациями в год и по одному пуду муки в месяц, и детей мастеровых и солдат, записываемых с 9 до 18 лет в рудоразборщики и промывальщики, получавших от 3 до 7 коп. в день и паек [1, с. 690]. Чаще всего по достижении 18-летнего возраста молодые люди либо пополняли число рабочих, либо солдат Колыванского заводского батальона. Лучшие же «по успешности» дети «низших» чинов производились в «ученики» горного и заводского производства.

Несмотря на типичность обучения в школах России, при фабриках и заводах формировалась своя система обучения, что способствовало укреплению разобщенного ведомственного «ученичества», тесно связанного с практикой. Этот наиболее массовый и быстрый способ подготовки специалистов, напоминающий традиционное «ученичество» в процессе производства, сохранял значительный перевес практики над теорией. Наглядный и копировальный методы обучения превалировали над остальными, часто использовались и в рисовальных классах, иногда как ведущие методы. Осваивая незнакомое производство при фабриках, «ученики» не обучались, а сразу делали вещи для царского дворца. Постигали тайны камнерезного искусства при мерцании свечей в сыром, холодном, с мелкой пылью воздухе помещения.

Знания и соприкосновение с прекрасным облагораживали мастеровых. Имея более высокий общеобразовательный ценз и культурный уровень, они выделялись среди массы населения.

В 1781 г. в шести школах при алтайских заводах обучалось около 800 человек. Потомственная принадлежность к камнерезному делу помогла формированию профессиональных кадров второго и даже третьего поколения мастеров – целых династий. Отцы стремились дать своим сыновьям образование, в отличие от крестьян, которые обучение детей считали обузой, о чем уведомлял в своем отчете штатный смотритель Барнаульского округа Н. Кусков: «Самые крестьяне, например, считают грамотность своих детей делом не только совершенно лишним, но и тягостным... во все время обучения он теряет в ученике полезного работника... если бы представить им доброволь-

но обучать своих детей, то можно быть уверенным, что во многих училищах не было бы ни одного учащегося» [2].

Но Россия задыхалась от невежества, и школы, хотя и в минимальных количествах, все же открывались. В Колыванской волости церковно-приходские школы и школы грамоты находились в деревнях: Бугрышихе, Казанцеве, Ручьево, Суеткове, Харлове, Усть-Чагирке, Усть-Пустынке (по сведениям 1903 г.) [3]. Сеть горнозаводских и горных школ была более обширной. Еще в 1857 г. к Барнаульской и Змеиногорской школам добавились школы при Салаирском руднике и заводах Локтевском, Павловском, Сузунском и Томском. Еще позже открылись на рудниках Зырянском, Риддерском, Белоусовском, Семеновском, Черепановском, Николаевском и на Гурьевском заводах, а с 1838 г. – на Колыванской шлифовальной фабрике [4].

Новые требования к созданию высокохудожественных произведений предполагали иной подход и к обучению мастеров. Система ученичества уже не оправдывала себя. Назрела необходимость в организации учебных заведений с определенной программой и конкретным учебным планом.

Только спустя 36 лет после пуска Колыванской шлифовальной фабрики была открыта первая школа в двух отделениях с программой, утвержденной в 1836 г. для горнозаводских школ. Общеобразовательная ее часть включала чтение, чистописание, священную историю, арифметику, разбор руд и линейное рисование. Специальная часть отличалась от существовавшего ранее практического способа обучения мастерству в процессе производства тем, что учащиеся постепенно подключались к выполнению заказов. Приобретение навыков в работе осуществлялось путем неоднократных упражнений в выполнении простых изделий, изучении технологии их изготовления и техники обработки различных пород камня.

По широте кругозора выпускники такой школы не могли сравниться с воспитанниками Академии художеств, однако сам факт существования в ней общеобразовательной программы говорит о распространившемся влиянии академической системы в обучении, что и утверждает в своей работе «Декоративное искусство в Академии художеств» И.А. Пронина. Она констатирует, что в 1816 г. управляющий Кабинетом граф Гурьев ставил вопрос об упорядочении образования мастеров Екатеринбургской и Колыванской шлифовальной фабрик, «где работы производятся более практически, через долго-

летнее упражнение и навык без всяких теоретических познаний» [5]. Это высказывание было сделано Гурьевым еще до открытия горнозаводской школы при Колыванской шлифовальной фабрике. И все-таки И.А. Пронина отмечает академическую направленность в обучении даже в период ученичества. Несмотря на то, что официально организованной школы не было, тем не менее каждый мастер умел читать, писать и частично рисовать, что противоречит высказыванию Гурьева об отсутствии «...всяких теоретических познаний» в обучении. Имеющиеся традиции в передаче опыта работы, накопленные поколениями мастеров-камнерезов, были подтверждены, дополнены и закреплены программой для горнозаводских школ. Например, программа по линейному рисованию горнозаводских школ включала: «...рисование прямых и кривых линий в различных положениях по клеткам и от руки..., сложных прямолинейных фигур, перспективное рисование простых геометрических тел..., перспективное рисование и тушевка прямолинейных геометрических тел... орнаментов...» [6].

Исходя из вышеотмеченных фактов автор данной работы пришел к выводу, что обучение мастеров до открытия горнозаводской

Женский портрет. Бум., кар.
1908. Учебный рисунок.
Горная Колывань

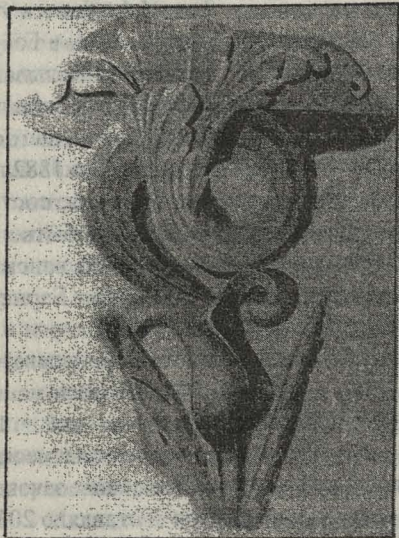
школы осуществлялось по сокращенной академической программе. Курс рисования включал необходимые в процессе производства навыки: черчение и чтение чертежей изделий, зарисовки последних, как линейные, так и объемные, умение работать тушью, акварелью, карандашом. Открытие же горнозаводской школы лишь официально подтвердило уже имеющиеся формы обучения, приводя их к общероссийским требованиям обучения, исключив излишнюю индивидуализацию и самостоятельность, если такое имелось, что маловероятно, потому что периферийное обучение стремилось следовать рекомендациям Петербурга.

Спорным оказался и год открытия школы. Так, П.А. Ивачев утверждает, что это 1838 г. [7], а в документах, обнаруженных в Государственном архиве Томской области, «время основания Колыванского заводского училища 4 августа 1836 г.», как отмечено в «Сведениях о состоянии Колыванского заводского училища, находящегося в Бийском округе Колыванской волости в селе Колыванском за 1882 г.» [8]. Наиболее вероятным считается 1838 г., так как сведения, поступающие в губернский город из отдаленных районов, могли быть искажены, кроме того, книга П.А. Ивачева, Н.С. Гуляева «Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае» напечатана в типографии Барнаула, что убеждает в правильности первой даты, т.е. 1838 г.

Открытая школа называлась частной, имела двух преподавателей. Старший получал 500 руб. в год, а младший – 100 руб. (ассигнациями) и по 2 пуда провианта в месяц. Учебный возраст детей – от 8 до 13 лет. Школьники получали по пуду муки и по 30 коп. жалованья в месяц. Сироты кроме провианта получали 1 руб. в месяц. Жалованье законоучителя – 120 руб. Содержание всего училища в год составляло 2033 руб. 32 коп. (ассигнациями). Система обучения была ланкастерская, т.е. основанная на строгости и жестокости дисциплины [7, с. 37–38].

По истечении 3–4-х лет мальчики выходили из школы грамотными, лучшие из них отправлялись в Барнаульское окружное училище, остальные поступали на завод так называемыми подростками и подмазчиками. Учеников часто использовали на разработке руды и других работах, о чем рассказывают документы Государственного архива Алтайского края [9]. Настоящими рабочими они становились с 18 лет, срок службы на заводе определялся в 42 года, т.е. до 60 лет, а с воцарением императора Николая Павловича сокращен был до 35 лет. Произошли изменения в штате фабрики, где значилось: «... к) 45 чел. подростков вместо 25; ...м) 2 учителя ... с жалованьем 300 руб.; н) 1 законоучитель ... 120 руб. [10].

Таким образом, с 20-х по 40-е гг. XIX в. штат служащих составлял 327 человек. Из «Списков начальных училищ Инспекции народных училищ 5-го района Томской губернии, составленных 5 января 1910 года» узнаем об учителях, работавших в то время: законоучитель (окончил Томскую духовную семинарию) – священник о. Всеволод Николаевич Титов, духовного знания, жалованье – 100 руб.; учительница Мария Федоровна Южакова, дочь чиновника – 360 руб. в год» [11].

Учебный рисунок ученика
2 класса М. Мусаранова. Бум.,
кар. Горная Колывань

В 1885 г. в селе Колыванском открывается 2-классное училище. В 1900 г. здесь «обучалось мальчиков 43 и девочек – 8» [12]. Из сведений 1910 г. в училище преподавали: законоучитель – вышеназванный Титов (150 руб. в год), «заведывающий Григорий Павлович Бычков; казак; 420 р.», окончивший Омскую учительскую семинарию и вторая учительница – Ф.В. Зубова, жена чиновника (360 руб.), окончила Семипалатинскую женскую прогимназию [13].

Непонятно, кто из учителей в этот период вел уроки черчения и рисования в училищах, хотя в программах учебных заведений эти предметы указаны. Интересен тот факт, что программа 2-классного училища в селе Колыванском более расширена: по черчению в «черчение рисунков от руки, прямых линий и в различных положениях, рисование углов и геометрических фигур»; по рисованию: в 1-м классе – «рисование с доски криволинейных и прямолинейных предметов. Рисование с натуры групп, состоящих из различных тел». Во 2-м классе – «перспективное рисование и тушевка криволинейных и смешанолинейных геометрических тел и орнаментов. Рисование и тушевка различных криволинейных и смешанолинейных предметов» [14].

Эти сведения взяты из отчета 2-классного училища, поэтому, вероятно, в нем отражена работа, проведенная учителем в расширенном варианте по сравнению с рекомендуемой по черчению и рисованию программой. Необходимо отметить, что черчение и рисование не разделялись между собой и обучение велось одновременно как черчению, так и рисованию (как по одному, так и по другому

предмету). Кроме этого, прослеживается различие между задачей 1-го класса и 2-го. Наглядное обучение на первом этапе, упрощенное линейное рисование простых предметов. Во 2-м классе более сложные задачи – это перспективное рисование с тоновой проработкой, моделировкой формы.

В 1901 г. все девять горнозаводских школ Алтайского горного округа были переданы в ведение Министерства народного просвещения, о чем говорится в документах Государственного архива Томской области, оговариваются условия передачи и др. [15].

Горнозаводские школы несмотря на хорошее качество подготовки мастеров не в состоянии были удовлетворить все возраставшие запросы по художественному обучению. Именно это и послужило причиной создания рисовального класса при Колыванской шлифовальной фабрике.

Инициатором организации рисовального класса, открытого в 1856 г., был И.А. Злобин, управляющий в то время фабрикой. Будучи 16-летним подростком, внук Н.В. Стрижкова – И.Л. Стрижков – рассказывает об этом классе: «Для обучения грамоте существует горнозаводская школа, в которой преподаются закон божий, чтение, арифметика, линейное черчение и чистописание. Из нее способные к рисованию мальчики поступают в рисовальные классы. В этом классе в дополнение к предметам школы преподается грамматика и как главный предмет – рисование с орнаментов и гипсовых фигур и два раза в неделю практические работы на фабрике» [16].

Рисовальный класс существовал до 1870 г. За это время подготовлено 10 мастеров.

С 1870 г. специальные предметы преподаются вообще всем ученикам школы на том основании, что от специального обучения в рисовальном классе «все отказываются, потому что за время обучения плата им не производится, а учиться 3 или 4 года они по неимению средств не могут, несмотря на то, что обучение даровое» [17].

Из воспоминаний И.Ф. Стрижкова мы более полно представляем, чем занимались в рисовальном классе, каковы были его цели и задачи. Кроме сведений об этом классе, приведенных выше, необходимо отметить, что помимо рисования с орнаментов и гипсовых фигур преподавалась лепка с этих же гипсовых фигур и орнаментов, а также «...резьба печатей и мелких украшений на камне. Это посильное слово каменодельного искусства требует особых способностей

и продолжительных трудов со стороны учащегося, а потому и начинается с ранних лет. Для ознакомления с фабричными работами мальчики три дня (в воспоминаниях И.Ф. Стрижкова два дня. — И.Л.) в неделю занимаются на фабрике выделкой самых простых вещей, пробок, печаток и прочее» [7, с. 66].

Существовал еще один способ подготовки учащегося в мастера, напоминающий прежнее «ученичество»: мальчиков 12-ти лет принимали на работы сначала подмазчиками, которые в начале изучают производство, а затем начинают с простейших работ. «Но до резьбы печатей, гранения и понимания чертежей они не доходят» [7, с. 66]. Родители отдавали своих детей в подмазчики в надежде, что из них со временем выйдут мастера. Случалось иногда, что из «подмазчиков» или даже отделыщиков (подмастера) все-таки выходили в мастера. Примером тому Т.Т. Воротников, замечательный камнерез XIX в. Пришел он в камнерезное искусство «учеником», переведен в отделыщики. В 1858 г. сопровождал изделия в Петербург, доставив Кабинету первые скульптурные миниатюры из камня.

В 1868 г. был утвержден новый штат фабрики, где кроме всех прочих служащих конкретно упоминаются: «...законоучитель — 1, ...учитель чтения, письма и арифметики — 1, горный уставщик, он же учитель рисования — 1, ...подмастерьев — 13, рабочих и подмазчиков — 70» [18]. Этот штат без изменений сохранился до конца XIX в.

В сведениях о состоянии Колыванского заводского училища за 1882 г. имеется список личного состава. Известно, что в это время в училище преподавали: «законоучитель, кончивший курс в Колужской Духовной семинарии, с званием студента, Священник Исидор Иванович Соловьев. Учитель, на правах вольнонаемного, кончивший курс в Барнаульском Окружном училище, Федор Козьмич Квашнин, по происхождению сын шлифовального ученика... Почетный блюститель и почетный попечитель... инспектор училищ Алтайского Горного округа и Статский Советник Александр Васильевич Кобылин... из дворян и Управляющий Колыванскою Шлифовальною фабрикою Коллежский Советник Иван Александрович Злобин... из дворян.... ...Число учащихся к 1 января 1882 г. составило 26... По сословиям: отставных Канцелярских служителей 2, отставных мастеровых 1, обывателей 20 и крестьян 3... окончивших курс в отчетном году — 4. Выбыло по желанию родителей — 8. Поступило мальчиков — 12...

Помещение казенное... Средства содержания: из ассигнований по смете. Высочайше утверждаемой ежегодно на счете Кабинета Его Величества 372 руб. ...Употреблено... г/на учебные пособия 60 руб. 46 коп. ...» [18].

Из сведений с сухими статистическими данными невозможно в полной мере представить все тонкости педагогического искусства, процесс становления художника, мастера. К тому же 1882 г. попадает уже в полосу спада жизненной активности камнерезного производства, который начался после 1870 г., и тем не менее на фабрике работали преподаватели или художники с академическим образованием, ответственные за проведение практики с учащимися. Некоторые мастера были направлены для обучения в Академию художеств и, возвратясь, продолжали работать творчески, с большим подъемом и энергией. Других направляли на практику в Сибирь, но они надолго не задерживались.

Исключением стал А.П. Залесов, который окончил Академию художеств, а позже работал на фабрике «помощником управляющего по искусственной части». Эта должность была новой, но необходимой, так как только специалист с художественным образованием мог выполнить все требования на высоком уровне. А.П. Залесов – единственный художник, упоминающийся у И.А. Прониной в «Аннотированном списке художников и мастеров...», в котором более 700 имен художников. В нем отмечены: Залесов, Александр Петрович. Медальер. Род. 30 июня 1837 г. Ученик АХ. В 1852 г. получил 2-ю серебряную медаль, в 1854 г. – 1-ю серебряную. В 1857 г. – звание художника с правом на чин 14-го класса. В 1858 г. – «назначенный». Служил на Колыванской шлифовальной фабрике» [5, с. 246]. А.П. Залесов, коллежский асессор, проработавший в должности помощника управляющего с 24 июня 1885 г. по 5 апреля 1866 г., сохранил традиции и основы академической системы обучения и воспитания молодых мастеров.

П.А. Ивачев с 5 апреля 1886 г. по 1905 г. вел активную деятельность, являясь руководителем фабрики и одновременно художником II степени, а также надворным советником. П.А. Ивачев начал свою трудовую и ученическую биографию со «школьника», дойдя до «шлифовального ученика», был направлен для обучения в Академию художеств, по окончании которой возвратился на фабрику и был назначен управляющим И.А. Злобиным «классным художником». И.А. Злобин взял его себе в помощники для составления рисунков будущих изделий по согласованию с Главным управлением Алтайс-

кого округа. С 1874 г. П.А. Ивачев приступил к должности уже в новом качестве. Он являлся автором проектов многих изделий, которые были воплощены в камне и хранятся ныне в Эрмитаже и других музеях страны. Это доказывает, что алтайские мастера не бездумно копировали форму, хотя это практически невозможно, так как камень, словно река, всегда разный, но и создавали свои, истинно алтайские произведения, ведь чувство красоты и талант неотделимы. Самым первым из мастеров-камнерезов, подавшим голос в камнерезном искусстве, был Ф.В. Стрижков. Первые чертежи присылались из Кabinetа с подробнейшим описанием породы, цвета камней и даже расположения пятен на тулове вазы или другого изделия, как, например, такой чертеж с описанием «Чашы ... покрытые розовою крынкою должны быть. Круглыя под имя колонки. Апостамент четвероугольный...» [19] и т.д. Позже Ф.В. Стрижков, утвердившись как талантливый руководитель и художник, мог даже вносить изменения в чертежи, присланные известными архитекторами и художниками. Впоследствии по чертежам художников П.А. Ивачева, А.П. Залесова, И.А. Злобина и некоторых других выполнялись высокохудожественные изделия. Укомплектованная опытными специалистами фабрика посылала их и на другие предприятия с целью оказания помощи. К сожалению, не сохранились документы, «рассказывающие» о прошлом. Именно такими были папки (альбомы) с рисунками учащихся рисовального класса.

Истоки камнерезного искусства начинаются со школы этого искусства. Сделан этот вывод не только после изучения теоретических работ, отчетов и документов о педагогической деятельности в рисовальном классе, но и на основе практических работ самих учащихся этого класса. Основой всех изобразительных искусств является курс специального образования, т.е. «рисовальной науки». В Кольванской школе обучение рисунку опиралось на хорошо продуманную общую методику, которая состоит из обучения техническим навыкам рисования, изучения простых геометрических форм, копирования с оригиналов, рисования с орнаментов, гипсовых фигур и головы человека.

Особым увлечением того времени было копирование с гравюр, так как это считалось более сложной задачей и приравнивалось к рисованию с натуры, которое завершало курс обучения рисунку. Доказывается применение метода копирования в рисовальном классе благодаря найденным на Кольванской шлифовальной фабрике цветным гравюрам, из которых многие продублированы в виде рисунков уча-

щихся. Например, рисунок с гравюры, изображающий разнообразные простые геометрические формы, выполненный Иваном Барин-сановым в 1892 г., а также рисунок орнамента в полосе Андрея Алкова, выполненный в 1848 г. Скопированные рисунки отличаются большей сухостью, жесткостью и тщательностью проработки формы. «Образцы» являлись руководством, по которым учащиеся выполняли копии. Красочные увражи, пронизанные принципом рационализма, были очень популярны в то время. В альбомах, хранящихся в архиве Кольванского камнерезного завода, есть не только образцы с эстампами архитектурных деталей, орнаментов и геометрических граненых форм, но и методические наглядные пособия с изображением последовательности построения, например, женской изящной руки в браслетах, или мужских ног в сандалиях, этапы работы над рисунком уха и другие. В этих пособиях с пояснительными надписями на французском языке показаны три этапа последовательности работы: 1-й – определение места рисунка на листе, т.е. компоновка изображения, затем проведение осевых и направляющих линий; 2-й – легкий линейный абрис; 3-й – работа тоном, моделирование объемной формы. Чаще рисунки, выполненные с гравюр, выхолощенные, штрихи кладутся по форме в виде аккуратных ромбовидно-перекрестных линий. Среди гравюр несколько фигур, как женских, так и мужских, в сложных ракурсах: по спирали, полулежа, сидя в драпировках, пластично подчеркивающих тело.

После изучения так называемых увражей и идентичных рисунков учащихся, сделанных с них, напрашивается вывод, что эстампы часто использовались как образцы для копирования на занятиях в рисовальном классе Кольванской школы. Ниже на примере работ учащихся рисовального класса проследим характер обучения, способности и методы, а также отношение самих учащихся к процессу работы. В музее камнерезного завода сохранился единственный альбом, оставшийся из 50-ти уничтоженных в печах в холодные годы войны. В нем 65 рисунков, из которых только 33 датированы, остальные – с неполными пометками: только с подписью либо с числом месяца или года, указанием имени, инициалов, некоторые без всяких отметок.

Большая часть сохранившихся работ выполнена в 1905 г. (10 рис.), самая ранняя работа датируется 1848 г., т.е. еще до открытия рисовального класса. Это работы А. Воротникова – скрещенные мужские ноги и орнамент в полосе Андрея Алкова. Самая поздняя работа вы-

полнена в 1908 г. – погрудный рисунок женской фигуры. Рисунки охватывают период в 60 лет.

Большая часть рисунков выполнена с гипсовых постановок. Примером могут служить изображения головы Зевса, Аполлона Бельведерского и Антиноя, сделанные Ивачевым; различные орнаменты, розетки цветов, трехлистников, капители и другие. Есть рисунки мужского торса, женской фигуры, частей лица – губы, нос, а также отдельные зарисовки ног, рук, в сложном движении, в основном с пособий и гипсовых слепков.

В процессе работы применяется разнообразная техника исполнения, а также смешанная. Например, лавровая ветвь А. Воротникова нарисована карандашом с использованием легких штрихов заостренным мелом. Работы Баринсанова сделаны жирным карандашом, оставляющим темный бархатистый след. Есть листы в технике отмывки тушью и акварелью однотонной и в цвете. Живописные работы водяными красками сделаны в основном в тепловато-кремовом колорите: тарелка с каемкой, речная «ракушка», цветные драпировки и другие. Все группы предметов – так называемые постановки – располагаются на специальном натюрмортном столике. Это важный штрих в пользу грамотности организации учебного процесса. Из отмеченного выше можно сделать вывод, что система обучения в рисовальном классе горнозаводской школы при Кольванской шлифовальной фабрике строилась по неполной программе Академии художеств, с учетом всех дидактических принципов академизма, в том числе «подражание естеству». Самое определяющее в академической методике – это наглядность в обучении: практический показ с теоретическим объяснением. Метод последовательности прослеживается в «образцах», наглядных пособиях. Однако не все учащиеся грамотно применяли метод построения рисунка. Некоторые неточности можно объяснить срисовыванием. Это заметно на примере нескольких работ учащихся, незаконченных в одной части рисунка и полностью, вплоть до тона, завершенных в другой. Такое постепенное «замазывание» орнамента по частям не дает повода сказать о последовательности в работе некоторых учащихся. Большинство же листов, хранящихся в папке, несут следы построения. Это мужской и женский портреты углем, изображения гипсовых античных голов, мужской торс и другие с применением гранитного карандаша или жирного, типа «Ретушь», с проработкой на освещенных участках мелом или «отмыв-

кой» тушью или акварелью в «теньях». Изучение документов, отчетов и программ, относящихся к деятельности горнозаводских школ, а также анализ альбомов с рисунками учащихся рисовального класса и «увражами» подтверждают академическое направление в обучении этого класса. Усиливает правоту данного вывода и то, что преподавали в рисовальном классе горнозаводской школы выпускники Петербургской академии художеств – А.П. Залесов, П.А. Ивачев, В.А. Андреев. Для сравнения можно провести параллель с современной художественной системой обучения: часть работ учащихся рисовального класса вполне вписывается в требования средне-специального учебного заведения. Тем не менее в Императорском Кабинете мастеров-камнерезов не считали художниками-профессионалами, а выделяли в художников производственного плана, которые значились, как «мастера».

Литература

1. Горнозаводские и горные школы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. М., 1929.
2. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 825. Л. 31–32.
3. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 187. Л. 37а, 37е, 37з, 37у, 37х, 37ч.
4. ГАТО. Д. 212. Л. 16; Ф. 126. Оп. 3. Д. 47. Л. 10.
5. Пронина И.А. Декоративное искусство в Академии художеств. М., 1983. С. 170.
6. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1155. Л. 3–9.
7. Ивачев П.А., Гуляев Н.С. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае. Барнаул, 1902.
8. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 986. Л. 18.
9. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31, 156а, 389, 397, 604, 662, 720, 768, 807, 895.
10. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 212. Л. 16.
11. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 986. Л. 18.. Ф. 126. Оп. 3. Д. 47. Л. 10.
12. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа... Томск, 1897.
13. ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 47. Л. 10.
14. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1158. Л. 3–12.
15. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–9.
16. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35.
17. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–35.